

УДК 1751

«СТРАННЫЙ» ЖАНР ЮРИЯ НИКИТИНА

Оробий С.П.

ГОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический университет», Благовещенск, Россия (675018, Благовещенск, ул. Ленина, 104), e-mail: rektorat@bgpu.ru

---

Романы Юрия Никитина – одно из заметных явлений в отечественной фантастике 2000-х. Злободневность поднимаемых проблем, специфичность предлагаемых автором сюжетных коллизий, наконец, само авторское определение «странные романы» – все эти черты позволяют говорить о необычном жанровом явлении, яркими особенностями которого являются размыкание границ жанровой фантастики, нарушение читательских ожиданий, ориентированных на стандартные художественные схемы, своеобразное внедрение художественных особенностей «романа идей» в «масскульт», соединение сенсационности и беллетристики, провокативности и доступности изложения. В каждом из романов цикла раскрывается некая злободневная политическая, социальная, моральная проблема, подлинных масштабы которой становятся очевидны через пять-шесть лет после написания романа (одно из ранних названий цикла – «грядущие»). «Странные романы» Никитина с их тотальным нарушением жанровых конвенций доказывают, что современная фантастика вопреки сложившимся стереотипам представляет собой неоднородное, развивающееся явление, сложность которого ещё недооценена.

Ключевые слова: жанр, фантастика, роман идей, массовая культура, автор.

«STRANGE» NOVELS OF YURI NIKITIN

Oroby S.P.

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia (675018, Blagoveshchensk, Lenin Str. 104)

Novels of Yuri Nikitin – one of the most notable events in the domestic fiction of the 2000s . Topical issues raised, the author of the specificity of the proposed subject collisions, finally, the author definition of "strange novels" – all these features allow us to speak about the unusual phenomenon of genres, which features bright opening the borders of genre fiction, readers expectations violation oriented standard art circuit, a kind introducing artistic features "novel of ideas" in the "mass culture" , a compound of sensationalism and fiction, provocative and accessible presentation. In each cycle of novels reveals some topical political, social and moral problem, the true extent of which will become apparent after five or six years after the writing of the novel (one of the early cycle names - "future"). "Strange novels" of Nikitin with their total breakdown of genre conventions prove that modern fiction contrary to established stereotypes is patchy , developing phenomenon whose complexity is still underestimated.

Keywords: genre, fiction, novel ideas, popular culture, the author.

Введение

Современная отечественная фантастика – область литературы, в большей степени освоенная критиками и в меньшей – литературоведами. Последние зачастую склонны оценивать этот вид словесности лишь с точки зрения массовой культуры, её категорий и форматов. Цель данной статьи – используя литературоведческий инструментарий, обозначить своеобразие одного из ярких «неформатных» явлений русской фантастики – «странных» романов Юрия Никитина.

Завсегдатаи интернет-форума, глубоко озабоченные судьбами Родины, решают взамен угнетаемой России воссоздать великую Скифию, могучую непобедимую державу. Негодяи, совершившие особо тяжкие преступления, больше не могут надеяться на помилование – их публично казнят на Красной площади. Президент России принимает беспрецедентное решение о геноциде малой народности, угрожающей национальной целостности страны.

Мир становится всё более прозрачным, исчезают не только языковые, но и моральные, сексуальные барьеры. Наступает будущее, в котором уже не будет ислама, христианства или буддизма, не будет национальностей, не будет даже мужчин и женщин... Люди, которые работают над этим, уже среди нас, у них много имён: «иммортисты», «сингомэйкеры», «рассветники»...

Все эти парадоксальные, жёсткие, непривычные решения – сюжеты «Странных романов», принадлежащих перу Юрия Никитина, крупнейшего современного писателя-фантаста.

В новейшей русской литературе Юрий Александрович Никитин (род. в 1939) заявил о себе в 1992 году фэнтезийным романом «Трое из леса». В течение десятилетия писатель закреплял успех, продолжая серию, а также запустив историко-фэнтезийные сериалы «Гиперборея», «Княжий пир», «Троецарствие». С 1997 по 2000 гг. он создаёт цикл «Русские идут!», состоящий из четырёх книг, посвящённых агрессивной экспансии американской политики в русскую культуру. А в 1999 году опубликован роман «Я живу в этом теле», открывший серию «Странные романы» (в ранней версии – «Грядущие романы»), которая сегодня насчитывает 16 книг.

Читатель, листаящий никитинский роман у прилавка, заметит мало привычных «подсказок» о содержании книги. Начиная с аннотаций – они придумываются самим Никитиным, а он давным-давно высмеял эту форму, предпочитая обращаться к читателю через предисловия. Вот, к примеру, аннотация к роману «Куявия» (2002): «Опоздавшего кинозрителя билетерша провела в зал, освещая путь фонариком. Но чаевых жадина не дал. Тогда наклонилась к его уху и тихонько, чтоб не услышали другие, мстительно шепнула, указывая на экран: "Вон тот в шляпе – убийца". Старый анекдот, но аннотации или предисловия, где подробно, кто шпион и в каком ключе понимать написанное, все равно прут, как лемминги в буфет. Но эта аннотация (обязательная, видите ли!) ну не вешает на дерево табличку с надписью "Дерево". Не вешает! Облом-с. Перетопчетесь».

Цикл «Странные романы» тематически неоднороден. Условно в нём можно выделить «геополитическую» («Чародей звездолёта "Агуди"», 2003; «Земля наша велика и обильна», 2004; «Последняя крепость», 2006), «социально-прогностическую» («Скифы», 2000; «Имаго», 2002; «Имортист», 2003), «виртуальную» («Баймер», 2001; «Творцы миров», 2006), «трансгуманистскую» («Трансчеловек», 2006; «Я – сингуляр», 2007; «Сингомэйкеры», 2008; «2024», 2008; «Рассветники», 2012; «Насты», 2013) линии. В то же время «сингулярные» мотивы намечены уже в романах «Человек с топором» и «Зачеловек» (оба – 2003), а они входят в цикл «Трое из леса». Никитин называет «трансгуманистским» и исторический

роман «О доблестном рыцаре Гае Гисборне» (2011), нестандартно толкующий миф о Робин Гуде не в пользу разбойника, а в пользу шерифа.

Отнести «странные романы» к массовой литературе мешает то, что их читателя массовым не назовёшь – в отличие от тиражного фэнтезийного цикла «Трое из леса», смелые никитинские предположения о ближайшем будущем поймёт и оценит не каждый. В то же время это не тяжеловесные философские романы прежних эпох, не «Томас Манн», не «Кафка», не «Роберт Музиль». Что же это такое?

Здесь нужно разобраться с понятием «массовая литература». Прежде всего, массовая литература всегда отражает культурные и социальные тенденции общества, в котором существует. Об этом писали уже русские формалисты – Шкловский, Тынянов, Эйхенбаум. Вслед за ними эту мысль развил Лотман. Он отмечал, что в литературной системе «всегда ощущается разграничение литературы, состоящей из уникальных произведений, <...> и компактной, однородной массы текстов» [3: 820].

Но эта «компактная масса», занимающая нижний ярус литературной вертикали, не так уж однородна – как по художественным особенностям, так и по степени популярности среди читателей. Художественные явления, совокупно обозначаемые как «массовая литература», настолько разнокачественны, что предполагают «ещё одно вертикальное измерение, выстраивание еще одной ценностной пирамиды» [4: 7].

Границы «странных романов» во многом условны, но различимы. Начнём с оценки критиков. Они определяют СР как «условный цикл романов философской фантастики», многие из которых «можно расценить как откровенную и сознательную провокацию, эдакую "пощёчину общественному вкусу"» [5].

Так, в «Скифах» сакраментальная «русская идея» балансирует на грани фашизма, столь же спорные способы достижения «общественного блага» предлагаются в диалогии «Имаго»/«Имортист»; оригинален замысел «Чародея...», где нет ни чародеев, ни звездолётов, ни тем более «агудей», а есть своеобразное решение вопроса национальных меньшинств с рецептом тотального геноцида в качестве наилучшего выхода из запутанной ситуации. Если в цикле «Русские идут!» возрождение России напрямую связано с ксенофобской пропагандой антиамериканских настроений, то в романе «Земля наша велика и обильна» столь же настойчиво предсказывается объединение России и Штатов против растущей китайской агрессии. По мнению критика, «использование романов этой "серии" в качестве пропаганды определённых идей и взглядов автора, зачастую связанной с сиюминутными проблемами, актуальными на момент написания текста, привело к тому, что многие книги уже потеряли свою злободневность, превратившись в артефакты минувших лет» [5]. В самом деле, «странные романы» намеренно провокационны, но неверно было бы

определять их с тематической точки зрения – как романы о «скифах», «имортистах», пророках сингулярности.

Прежде всего, «странные романы» удивительным образом сочетают в себе сенсационность и беллетризм, провокативность и доступность изложения. Принято считать, что «беллетристика» оперирует узнаваемыми художественными схемами, тогда как произведение «новаторское», «модернистское» меняет сам художественный язык, обновляет форму. Но помимо языка художественного существует язык идей, что разлиты в обществе или только зарождаются и должны быть высказаны. Плоха та идея, что не овладела массами.

Язык идей не может быть умозрительным. Любое «идейно значимое» произведение представляет собой компромисс между «высоким» и «низким». Чернышевский в романе «Что делать?» реформировал жанр «полицейского романа». Достоевский в «Преступлении и наказании» переосмыслил детективную фабулу с точки зрения религиозной морали. Однако любой жанр со временем «консервируется». И современные жанры не могут оставаться прежними, а должны представлять новую форму концентрации новых идей.

«Странные романы» – это, конечно, «романы идей», причём идей динамичных, меняющихся, работающих. Сам Никитин неизменно высоко оценивает масштабы воздействия своих книг: «После "Баймера" многие взрослые люди изменили свое отношение к компьютерным играм, после "Ярости" начали в большом количестве переходить в ислам <...>, после "Трансчеловека" многие, подобно главному герою, резко изменили свою жизнь и пошли по его стопам... Я даю идеи (я же когист), а внедряют в жизнь другие люди» [6]. Стоит добавить, что идея смерти бумажных книг, предсказанная в «Великом маге» (2002), стала очевидна для обывателей лишь теперь, через десять лет; о проблеме национальных меньшинств, поднимаемой в «Чародее...», как и о «китайской угрозе» («Земля наша велика и обильна»), европейские политики всерьёз задумываются только сегодня; Израиль, которому посвящена «Последняя крепость», действительно, становится всё более непредсказуемым государством в глобализирующемся мире.

В рамках «романа идей» возможны самые разные жанровые варианты: философский роман, утопия, социально-психологический роман. Сам Никитин начиная с «Трансчеловека» называет свои романы «когистикой», от *cogito* – мыслить, указывая на то, что их основа – не умозрение, а строго логический прогноз тенденций будущего. Определение «логическая фантастика» – не противоречие. Замятин называл так романы Герберта Уэллса, он говорил, что все мифы Уэллса логичны, как математические уравнения. Существует целый ряд альтернативных определений. Дмитрий Володихин предлагает термин «интеллектуальная фантастика» [1: 4-5], Ренате Лахманн указывает на понятие «паралогический тип фантастического текста», под которым понимается художественное обыгрывание

разнообразных парадоксов, известных со времён эллистов и стоиков, и изобретение на их основе невозможных миров со своеобразными параметрами. Яркие примеры паралогической фантастики – Льюис Кэрролл, Хорхе Луис Борхес [2: 18-19, 306-338].

В последние годы в рамках серии созрел особый, трансгуманистский, цикл, начатый в 2006 году «Трансчеловеком». Этот роман построен как прогноз-timeline, прослеживающий историю цивилизации до 2119 года – вплоть до перехода человечества в сингулярность. Такая композиция (событие-год) выбрана намеренно: писатель последовательно показывает этапы приближения «нового дивного мира», тем самым помогая осознать сингулярность как реальную, хотя и непростую цель. В последующих романах цикла идея сингулярности рассмотрена с разных сторон: её восприятие в настоящем («Я – сингуляр»), её приближение в недалёком будущем («2024-й»), конкретные способы её достижения («Сингомэйкеры», «Рассветники»).

Трансгуманистский цикл отличают две важных особенности: во-первых, он построен на рациональной научной основе, а во-вторых, он утопичен. Никитин предупреждает об опасности нахлынувших на человечество изменений, но отказывается от привычного для современной фантастики (пост)апокалипсического сценария. Напротив, создаёт позитивный образ будущего: «Апокалипсис отменяется!» (2012) – так называется сборник рассказов «никитинской школы», посвящённых сингулярности.

Становится понятно, что «злободневные», политизированные книги типа «Имаго», «Имортиста» лишь подготавливали читателя к трансгуманистским романам, что описывают гораздо более глобальные изменения – самой биологической природы человека. Главная тема цикла – тема бессмертия – выводит не только за культурологические, но и за антропологические границы.

Парадокс «странных романов» в том, что выстраивая текст на границе между искусством и реальностью (точнее, между тем, что считается допустимым и недопустимым в искусстве), автор всегда акцентирует *пересечение границы* между ними. Там, где ещё не кончилась реальность, но уже началась условность, читателем ощущается *странность* наступающего времени. Позволяя себе некий максимум свободы в воображении, Никитин выстраивает сюжет из того, чему только предстоит произойти и на изображение чего в обществе пока наложены строгие табу. Поэтому будущее в романах Никитина не надёжнее настоящего, но интереснее.

Список литературы

1. Володихин Д. Интеллектуальная фантастика. – М.: ИПО, 2007. – 208 с.

2. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. / Пер.: Н. Борисова, Г. Потапова, Е. Аккерманн. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 400 с.
3. Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Он же. О русской литературе: Статьи и исследования (1958-1993). – СПб.: «Искусство—СПБ», 1997. – С.817-826.
4. Мельников Н.Г. Массовая литература // Русская словесность. – 1998. – № 5. – С. 6-12.
5. Невский Б. Современники: Юрий Никитин // Мир фантастики. 2011. – № 91. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art4540.htm> (дата обращения: 17.11.2013).
6. Никитин Ю. «Есть что сказать людям» (интервью) // Мир фантастики. – 2006. –№ 37. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art1639.htm> (дата обращения: 17.11.2013).

Рецензенты:

Красовская С.И., д.фил.н., доцент, старший научный сотрудник лаборатории дидактики литературы Института содержания и методов обучения Российской академии образования, г.Москва.

Киреева Н.В., д.фил.н., профессор кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета, г.Благовещенск.